

Евразийский экономический союз и некоторые вопросы правопреемства международных организаций

Г.Г. Шинкарецкая

главный научный сотрудник ИГП РАН, доктор юридических наук. Адрес: 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10. E-mail: gshink@yandex.ru

Аннотация

Стремление бывших союзных республик СССР к интеграции выразилось в создании в течение прошедших 30 лет нескольких интеграционных объединений — Экономического союза, Зоны свободной торговли, Таможенного союза, ЕврАзЭС и, наконец, Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В составе органов этих объединений всегда были советы глав государств и глав правительств, а в качестве органа, действующего не от имени государств-участников, а самого объединения, как правило, предусматривалось создание комиссии, имеющей право принимать обязательные для государств-участников решения. Анализ показывает, что правопреемство в этих интеграционных объединениях осуществляется по тем же закономерностям, что и в других международных организациях. Единого нормативного акта, определяющего порядок правопреемства в международных организациях, не существует, однако уже выявились некоторые закономерности. Правопреемство осуществляется государствами-участниками, а не самими организациями; в основе правопреемства лежит не территория как при правопреемстве государств, а передача функций международной организации-предшественника международной организации-преемнику. Интеграционные объединения, создававшиеся на постсоветском пространстве, обладают разной идентичностью, не продолжают правосубъектности друг друга, а являются отдельными субъектами международного права и осуществляют правопреемство в отношении своих функций. Особенно интересен вопрос о правопреемстве Комиссии Таможенного союза. Комиссия как субъект права прекратила существование в 2014 году с созданием Евразийской экономической комиссии. В связи с данным органом интеграции правопреемство осуществляется в отношении трех элементов: Комиссии, ее функций и ее решений. Комиссия упразднена, ее функции унаследованы Евразийской экономической комиссией, а решения имплементированы в положения национального законодательства государств-членов, постановлений и решений органов Таможенного союза и Евразийского экономического союза. Решения Комиссии Таможенного союза продолжают действовать постольку, поскольку не противоречат Договору о ЕАЭС. Общая нормативно-правовая база ЕАЭС не совпадает с нормативно-правовой базой, которая существовала в Таможенном союзе, и в случае противоречия должна быть изменена, поскольку изменены основополагающие нормы существующего ныне правопорядка.

Ключевые слова

интеграция, таможенный союз, ЕврАзЭС, ЕАЭС, Комиссия Таможенного союза, правопреемство международных организаций, международная правосубъектность, наднациональность, органы международной организации.

Библиографическое описание: Шинкарецкая Г.Г. Евразийский экономический союз и некоторые вопросы правопреемства международных организаций // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 172–194.

JEL: K33; УДК:341

DOI: 10.17323/2072-8166.2018.3.172.194

Евразийский экономический союз — новое интеграционное объединение, которое начало действовать на пространстве бывшего СССР в 2015 году¹. Чаще всего это объединение, как и многие другие, предшествовавшие ему, анализируются с экономической и политической точек зрения, с упором на их полезность будущему стран-участниц. Правовой анализ применяется редко, и одна из причин этого — множество следующих друг за другом интеграционных организаций, статус которых не вполне ясен.

Истоки Союза

Исследователи справедливо указывают, что стремление к интеграции было заложено в документах, принимавшихся союзными республиками СССР еще до распада Союза. В частности, К. Калачян пишет, что в двусторонних договорах, заключенных РСФСР с Украинской ССР и Белорусской ССР, содержались «не вполне ясные фразы, которые можно расценить как осторожное обещание интеграции»². Намерение интеграции было выражено более явно в коллективном порядке 18 октября 1991 г., когда шел поиск формы нового союзного договора; представителями восьми государств — бывших союзных республик — был тогда подписан Договор об Экономическом сообществе³. Его начало напоминает проекты договоров о Союзе Суверенных Республик и о Союзе Суверенных Государств тем, что первый раздел в нем назывался «Основные принципы», но в остальном — это полноценный международный договор о намерениях вести экономическое сотрудни-

¹ Евразийский экономический союз (официальный сайт) [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 15.05.2018)

² Калачян К.К. Экономическая интеграция государств-участников Содружества Независимых Государств на фоне глобализации мировой экономики (Международно-правовые проблемы): дис. ... к. ю. н. М., 2003. С. 50.

³ Текст Договора см.: Правительственный вестник (Всесоюзная еженедельная газета Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР). 1991. № 42(120).

чество. Этим договором не создается «надстроечное» государство; договор не содержит политических обязательств и в нем прямо говорится (ст. 1), что Экономическое сообщество создается независимыми государствами на основе добровольности участия и равенства прав всех его членов в целях образования объединенного рынка и проведения согласованной экономической политики как неперемennого условия преодоления кризиса⁴.

Договор не был ратифицирован и не вступил в силу, а потому мы не будем анализировать его подробно, лишь скажем, что этим Договором были заложены все те идеи регионального экономического сотрудничества, которые впоследствии обнаруживаются в соглашениях членов СНГ. В Договоре намечены сферы совместной деятельности; выражено намерение обеспечить свободное движение товаров, услуг и рабочей силы, а также обязательство гарантировать предоставление национального режима для предпринимательской деятельности физических и юридических лиц других государств-участников и проведение согласованной антимонопольной политики⁵.

Главными документами, определившими основные принципы отношений между бывшими союзными республиками на многие годы, являются Соглашение о создании СНГ от 8.12.1991 и Протокол к нему от 21.12.1991. В этих документах положений об интеграции нет; целью их принятия было констатировать прекращение существования СССР. Соглашение от 8.12.1991 было подписано тремя государствами — Россией, Белоруссией и Украиной; последняя не была намерена становиться государством-членом СНГ и (как и Туркмения) не подписала Устава СНГ от 22.01.1993⁶, которым была создана институциональная структура Содружества. До сих пор Украина имеет неформальный статус ассоциированного государства.

Уже в 1993 г. принимается первое соглашение, имеющее предметом налаживание экономической интеграции, — Договор о создании Экономического союза от 24.09.1993⁷, который остался заявлением о намерениях. Для экономической интеграции не было объективных условий. Как отмечает Ю. Шишков, продолжали действовать мощные центробежные силы⁸. Следующее Соглаше-

---

⁴ Калачян К.К. Указ. соч. С. 51.

⁵ Там же.

⁶ Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 года. Ратифицирован Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4799-1. Устав вступил в силу для России 20 июля 1993 года. Прекратил действие для Грузии с 18 августа 2009 года // Официальный сайт Секретариата СНГ (портал) [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180> (дата обращения: 06.06.2018)

⁷ Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: // URL: <http://legalacts.ru/doc/dogovor-stran-sng-ot-24091993-o-sozdanii> (дата обращения: 06.06.2018)

⁸ Шишков Ю. Экономический союз СНГ: маниловщина или реальность? // Исполнительный комитет СНГ (официальный сайт) [Электронный ресурс]: // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/353/873/1231/002_Shishkov.pdf (дата обращения: 06.06.2018)

ние о создании зоны свободной торговли от 15.04.1994 также не было реализовано и также по причинам политического характера⁹. Не удалось создать и Платежный союз государств-участников Содружества Независимых Государств¹⁰.

Тогда последовали попытки интеграции в ограниченном составе. Первым примером стало Сообщество Белоруссии и России¹¹, за которым последовало Союзное государство Белоруссии и России¹². Данная идея также не реализовалась под предлогом невозможности сформулировать общий Конституционный акт Союзного государства.

Фактором продвижения бывших союзных республик к экономической интеграции в литературе нередко называют Таможенный союз¹³. Первым документом в этом ряду стало Соглашение о принципах таможенной политики от 13.03.1992, предусматривающее создание Таможенного союза в составе России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана¹⁴. Позднее были подписаны Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве¹⁵ и Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г.¹⁶, которые перестали применяться в связи с заключением Договора о Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС)¹⁷, а Сообщество, в свою очередь, в 2014 году было преобразовано в Евразийский экономический союз¹⁸.

⁹ *Евсеева А.И.* Международно-правовые аспекты экономической интеграции в рамках Содружества Независимых Государств: дис. ... к. ю. н. Казань, 2001. С. 57.

¹⁰ Соглашение от 21.10.1994 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: // URL: <http://legalacts.ru/doc/soglashenie-stran-sng-ot-21101994-ozozdani/> (дата обращения: 06.06.2018)

¹¹ Договор от 2.04.1996 // Портал Союзного государства Белоруссии и России [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.soyuz.by/about/docs/dgovor2/> (обращение 6 июня 2018)

¹² Договор от 2.04.1997 // Портал Союзного государства Белоруссии и России [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.soyuz.by/about/docs/> (дата обращения: 06.06.2018)

¹³ *Шпак О.В.* Международно-правовое регулирование таможенного сотрудничества государств-членов Евразийского экономического сообщества: дис. ... к. ю. н. М., 2007. С. 74.

¹⁴ См.: Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=21876> (дата обращения: 06.06.2018)

¹⁵ Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26.02.1999 // СПС КонсультантПлюс

¹⁶ Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29.03.1996 [Электронный ресурс]: // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3990 (дата обращения: 06.06.2018)

¹⁷ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10.10.2000 // Портал ЕврАзЭС [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/3> (дата обращения: 06.06.2018)

¹⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017) // СПС КонсультантПлюс.

Общая характеристика Договора ЕАЭС

Такая череда международных организаций показывает, что у тех, кто их создавал, было намерение сотрудничать в области экономической интеграции, но организация этого сотрудничества была отнюдь не на высоте. С появлением каждой организации в литературе появлялись высказывания, что теперь «все пойдет правильно»¹⁹. Однако практически к каждому образованию применим анализ, высказанный нами еще в 2004 году в адрес ЕврАзЭС. Мы отмечали, что в Договоре не хватает очень важных положений: в нем ничего не говорится о правах и обязанностях государств, подписавших его, т.е. отношения между государствами-участниками, а также между государствами-участниками и ЕврАзЭС не регулируются. Ничего не сказано и об отношениях между государствами-участниками и отдельными органами. Не завершены и положения о самой организации. Хотя ст. 11 наделяет Сообщество некоторой правосубъектностью, в Договоре нет статей об ответственности Сообщества перед другими субъектами международного права или об отношениях между Сообществом как целым и его государствами-членами. И самое главное — нет положений, определяющих порядок достижения целей, поставленных перед организацией. Такие черты присущи в разной степени большинству договоров об интеграции, принимавшихся бывшими республиками СССР.

Указанные недостатки унаследованы и Договором о ЕАЭС, поскольку он составлялся на основе предыдущих соглашений, и их положения продолжают действовать в той мере, в какой они не противоречат Договору ЕАЭС. В. Балытников и Д. Боклан, указывая на кодифицирующий характер Договора ЕАЭС, справедливо подчеркивают, что систематизация положений предшествующих международных договоров была очень трудной задачей. В них не сопрягались хронологические параметры реализации договоров; не были четко указаны рамки компетенции органов; не было четкого разграничения компетенции ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС; отмечался разнородный в наименовании актов различных органов Союза²⁰.

С нашей точки зрения, в основе указанных трудностей лежала недооценка и Договора ЕАЭС, и предшествующих документов как международно-правовых актов. Договор о создании ЕАЭС заключен суверенными государствами, т.е. это межгосударственный договор, поэтому подходить к его

---

¹⁹ См., напр.: *Байльдинов Е.* Таможенный союз и единое экономическое пространство: проблемы эффективности // *Общество и экономика.* 2012. № 11. С. 78; *Ярышев С.Н.* Таможенный союз как основа единого экономического пространства ЕврАзЭС // *Евразийский юридический журнал.* 2012. № 8. С. 54.

²⁰ *Балытников В., Боклан Д.* Евразийский экономический союз: предпосылки создания, проблемы формирования, перспективы развития // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2015. № 3. С. 71.

толкованию необходимо с позиций международного права, учитывая, что его участники — суверенные субъекты международного права. Венская конвенция о праве международных договоров (1969)²¹, содержащая общепризнанные нормы международного права, так определяет международный договор: «Договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме» (п. 1а ст. 2). Точно так же международно-правовым актом является Договор о создании Европейского союза или любой другой учредительный договор любого интеграционного объединения.

Однако из анализа документов, принимаемых интеграционными объединениями на пространстве СНГ, становится ясно, что они своими создателями не воспринимались как международные организации. Очень выразительной с этой точки зрения является ст. 6 Договора ЕАЭС, где содержится исчерпывающий список источников права Союза: «1. Право Союза составляют:

настоящий Договор;

международные договоры в рамках Союза;

международные договоры Союза с третьей стороной;

решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза».

Возникает несколько вопросов.

Во-первых, что значит — «международные договоры в рамках Союза»? Это договоры между государствами-членами Союза или договоры по вопросам, входящим в круг ведения Союза? Входят ли сюда потенциальные договоры между государством-членом ЕАЭС и юридическим или физическим лицом другого государства (участника ЕАЭС или третьего) по вопросам, входящим в круг ведения Союза?

Во-вторых, к праву Союза относятся договоры, заключаемые Союзом как субъектом международного права с третьей стороной (вероятно, с государством-нечленом Союза или с международной организацией). А что будет, если такой договор по вопросам, относящимся к компетенции Союза, заключает государство-член Союза?

В-третьих, в стороне от регулирования ст. 6 остались обязательства государств-членов по соглашениям СНГ и остающийся до сих пор неясным вопрос о юридической природе решений высшего органа Содружества — Совета глав государств (ст. 21 Устава²²). Ни Устав, ни Правила процедуры

²¹ Конвенция ООН о праве международных договоров (Вена, 23.05.1969) // СПС Консультант-Плюс.

²² Устав Содружества Независимых Государств (Минск, 22.01.1993) // Портал Секретариата СНГ [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180> (дата обращения: 08.06.2018)

Совета глав государств²³, ни Решение Совета глав государств «О разграничении полномочий между Советом глав государств и Советом глав правительств Содружества Независимых Государств» от 2.04. 1999²⁴ не определяют статус его решений. Правила процедуры только добавляют неясности, так как в Правиле 7 сказано, что на заседаниях советов (без разграничения Совета глав государств и Совета глав правительств) заключаются международные договоры, принимаются решения, заявления и обращения.

На все это вопросы ясных ответов нет, и остается много пространства для толкования.

Решения Совета глав государств и Совета глав правительств не классифицированы, но порядок их принятия разный: решения, принимаемые советами в рамках их компетенции, подписываются членами советов / главами делегаций, а решения по вопросам организационного, рекомендательного и информационного характера принимаются в форме протокольных решений и подписываются Председателем Совета. Из этого можно заключить, что бывают решения двух категорий: организационного, рекомендательного и информационного характера, с одной стороны, и все остальные, с другой, и можно догадаться, что это решения по содержательным вопросам. Возникает новая неясность: право подписания решений по этим вопросам оставлено членам советов и главам делегаций.

Во всяком случае, если под решением ставится подпись главы делегации или государства-члена, действующего от имени своего государства, или члена Совета глав государств или Совета глав правительств, которые являются полномочными представителями своих государств, это означает, что в решениях воплощена совместная воля государств, принимающих данное решение. Это означает также готовность государств-участников принимать обязательства, заложенные в том или ином решении. Отсюда следует вывод, что и решения высших органов СНГ также являются нормативными документами и составляют часть права ЕАЭС, хотя об этом не сказано в ст. 6 Договора ЕАЭС.

Теперь вернемся опять к общей характеристике ст. 6. Исчерпывающее перечисление элементов, составляющих право ЕАЭС, больше всего напоминает внутригосударственный нормативный акт, например, Уголовный кодекс

---

²³ Правила процедуры Совета глав государств, Совета глав правительств, Совета министров иностранных дел и Экономического совета СНГ. Утверждены Решением Совета глав государств СНГ о Правилах процедуры Совета глав государств, Совета глав правительств, Совета министров иностранных дел и Экономического совета Содружества Независимых Государств от 9.10.2009 // Портал Секретариата СНГ [Электронный ресурс]: // URL: <http://http://www.cis.minsk.by/page.php?id=3962> (дата обращения: 08.06.2018)

²⁴ См.: Портал Секретариата СНГ [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=18894> (дата обращения: 08.06.2018)

Российской Федерации, ст. 1 которого гласит: «1. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса».

Международные обязательства государств не могут выражаться так ограниченно. Хотя в Договоре ЕАЭС участвуют все пять нынешних государств-членов, они связаны между собой и с третьими странами множеством разнообразных обязательств, так что на всем пространстве ЕАЭС складывается сложная мозаика взаимных обязательств. Можно примерно указать на следующие: 1) обязательства отдельных государств по двусторонним соглашениям с другими государствами-членами; 2) обязательства отдельных государств по дву- и многосторонним соглашениям с государствами-нечленами; 3) обязательства государств-членов по универсальным договорам, как, например, Пакты о правах человека, Конвенция ООН по морскому праву (1982) и др.; 4) обязательства отдельных государств-членов по инвестиционным соглашениям; 5) обязательства отдельных государств-членов по соглашениям ВТО; 6) обязательства отдельных государств-членов по решениям Органа по разрешению споров ВТО по тем делам, в которых они участвовали.

На эту мозаику накладывается сеть индивидуального ограничения обязательств, предписываемых многосторонними договорами, и заявленных оговорок.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание, — это иерархия, т.е. соподчинение норм. Иерархия норм обычно имеет значение для интеграционных объединений, а также для международных организаций вообще. Общепринято, что в любой международной организации нормы учредительного договора имеют приоритет перед нормами других соглашений, заключаемых государствами-членами в рамках этой организации. В самой авторитетной международной организации нашего времени — Организации Объединенных Наций — в ст. 52 Устава предусмотрено, что государства-члены вправе заключать региональные соглашения только при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации.

Вопрос об иерархии тщательно разработан в правопорядке такого развитого интеграционного объединения, как Европейский союз. Разработанная за время существования ЕС правовая система сложна и включает в себя писаное право Союза и неписанные общие принципы права²⁵. В учредительных документах ЕС (Договоре о Европейском союзе и Договоре о функционировании Европейского союза)²⁶ изложено так называемое первичное право Союза; разного рода решения органов Союза образуют вторичное право.

²⁵ См.: Клинке У. Механизм решения споров в Европейском союзе / Механизм решения споров в региональных интеграционных группировках. М., 2018. С. 91–119.

²⁶ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the

Такая сложная правовая система не смогла бы действовать без структурирования. Поэтому в системе выстроена четкая иерархия. Составной частью правовой системы ЕС является принцип иерархии норм, определяющий соотношение и взаимодействие норм права ЕС. Этот принцип действует при толковании права ЕС внутри правовой иерархии Союза, а также при контроле за правомерностью актов вторичного права. На вершине иерархии стоят неписанные общие принципы права, которым придан статус конституционных норм, а также нормы об основных правах человека²⁷.

Подобная система иерархии не может, очевидно, эффективно действовать в пока что довольно лаконичной и неразвитой правовой системе ЕАЭС. Правда, в ст. 6 включено несколько положений, определяющих приоритеты применения различных частей права ЕАЭС. Право ЕАЭС имеет приоритет перед договорами, заключаемыми Союзом как субъектом международного права с третьими сторонами: «Международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза».

Приоритет действует и в отношении правоприменительной практики договоров, заключаемых внутри Союза: «В случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и настоящим Договором приоритет имеет настоящий Договор». Очевидно, в отношении этих договоров приоритет действует и в отношении их содержания, и так же, как договоры с третьей стороной, договоры, заключаемые внутри Союза, не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. И наоборот, видимо, если обнаруживается противоречие между договором Союза с третьей стороной и Договором ЕАЭС, приоритет принадлежит Договору ЕАЭС.

Некоторая неясность обнаруживается в отношении решений органов Союза. В ст. 6 сказано не только то, что решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить Договору, но так же и международным договорам в рамках Союза. Означает ли это приравнение международных договоров в рамках Союза (скорее всего, по недосмотру) к Договору? Не создается ли приоритет международных договоров в рамках Союза перед решениями органов Союза? Как быть с решениями Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), которые обязательны? Как быть, если какое-либо решение органа Союза противоречит международному договору в рамках Союза, при том, что сам этот международный договор противоречит Договору ЕАЭС? Как устанавливается приоритет с учетом приведенных выше

Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (дата обращения: 30.06.2018)

²⁷ Клинке У. Указ. соч. С. 99.

обстоятельств и положением о том, что решения Евразийского межправительственного совета (далее — ЕМС) имеют приоритет над решениями ЕЭК?

Несколько более понятна суть положений относительно соотношения юридической силы решений различных органов ЕАЭС. Кроме указанного выше приоритета решений ЕМС перед решениями ЕЭК, в ст. 6 предусмотрено также, что в случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, ЕМС и ЕЭК решения Высшего Евразийского экономического совета имеют приоритет над решениями ЕМС и ЕЭК. Ясно, что эти положения имеют целью предотвратить утрату государствами-членами контроля над решениями, принимаемыми в Союзе: чем плотнее контроль государств в том и ли ином органе, тем более высокое положение этот орган занимает в иерархии Союза. Все это означает не что иное, как глубокое недоверие государств-членов к создаваемой организации.

Целесообразность включения в Договор ЕАЭС положения о составе его права не вполне ясна. Ни названные документы, ни какие-либо другие не содержат нормативного понятия «право союза». Хотя существуют и широко употребляются выражения «право международной организации», «право интеграционного объединения», юридического содержания они не имеют и употребляются скорее в классификационных целях, чтобы подчеркнуть, что между государствами-участниками объединения действуют некие специальные нормы, но эти нормы служат лишь дополнением к тем обязательствам по международному праву, которые взяли на себя государства-участники. Например, «право Европейского Союза» означает сумму обязательств по международному праву, принятых государствами-членами, а также документы, принятые органами ЕС или самими государствами-членами для внутреннего регулирования.

Никаких нормативных последствий отнесение того или иного документа к «праву Евразийского экономического союза» не имеет. Отнесен ли документ к «праву Союза» или нет, он имеет для каждого государства ту юридическую силу, которую данное конкретное государство за ним признает. Такое признание может быть коллективным (путем подписания Договора о ЕАЭС), а может быть индивидуальным, как это происходит с государствами, присоединяющимися к любому международному договору (в нашем случае — как Армения и Киргизия присоединяются к Договору ЕАЭС).

Такое толкование ст. 6 Договора ЕАЭС подтверждается текстом статей Устава ООН, где ни разу не идет речь о «праве ООН», а говорится только об обязательствах государств-членов. Приведем для примера центральную для нашей темы статью Устава — ст. 2 «Принципы Организации Объединенных Наций». Например, «члены Организации в своих международных отношениях воздерживаются от применения силы»; «члены Организации разрешают свои международные споры мирным путем».

При этом перечисление документов, относимых к «праву Союза», не может быть исчерпывающим, поскольку каждое государство, став членом ЕАЭС, продолжает оставаться участником соглашений, заключенных ранее, или вступать в новые. Таким образом, если окажется, например, что какой-нибудь документ, относимый к «праву Союза», больше не соответствует Уставу ООН или обязательствам государства-участника по праву ВТО (все государства-участники ЕАЭС являются также членами ВТО), перечень документов в ст. 6 Договора ЕАЭС должен быть изменен. Именно такая ситуация предусмотрена Договором о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19.05.2011, который, в сущности, трактует поведение членов ЕАЭС в связи с их присоединением к ВТО.

Таким образом, в корпус норм «права ЕАЭС» входят все нормы, признаваемые действующими самими членами ЕАЭС.

Решения Комиссии Таможенного союза как часть права ЕАЭС

Вопрос о статусе решений Комиссии имеет особое значение в силу того, что с самого начала интеграции на постсоветском пространстве была распространена идея о придании компетенции на принятие обязательных решений какому-либо органу, подобно тому, как это делается в ЕС. Однако, с нашей точки зрения, в основе этой идеи лежал отмеченный уклон во внутригосударственные реалии при организации экономической интеграции, а не готовность передать одну из функций, общую для всех государств-участников, одному из органов. Как внутри государств-участников шла борьба за стабильность, так же единственно надежным способом обеспечения эффективной интеграции казалась твердая вертикаль управления, которую чаще всего называют наднациональным органом. Например, О.В. Бахлова в поисках путей к совершенствованию ЕАЭС приходит к однозначному выводу: «Результаты исследования показали недостаточную степень внедрения наднациональной модели управления в ЕАЭС»²⁸.

В центре дискуссий чаще всего стояла Комиссия Таможенного союза (далее — КТС), которая уже в первом соглашении об интеграции получила статус органа интеграции, принимающего обязательные решения. Однако однозначное определение статуса решений КТС затруднялось и затрудняется недостаточно четкими, а зачастую — непродуманными формулировками документов, определяющих правовой статус и компетенции КТС. Анализ показывает, что в документах решениям Комиссии придан один статус, а фактически действующим является другой.

---

²⁸ Бахлова О.В. Управление экономической интеграцией в рамках ЕврАзЭС и ЕАЭС: институциональная динамика в 2000–2015 гг. // Экономическая история. 2017. № 4. С. 102.

а) формально-юридический статус Комиссии Таможенного союза и ее решений

Признание обязательности решений КТС было предусмотрено ст. 7 Договора о Комиссии Таможенного союза от 6.10.2007, и подтверждено Протоколом о внесении изменений и дополнений в Договор о Комиссии от 9.12.2010. В обоих этих документах ничего не говорилось о том, входят ли решения Комиссии в «право Союза».

Однако следует обратить внимание на место, отведенное самой Комиссии в Таможенном союзе. Целью создания КТС в Договоре обозначено обеспечение условий функционирования и развития Таможенного союза (ст. 1), т.е. Комиссия выступает как вспомогательный орган для создания организации, а не для регулирования отношений между сторонами. Об отношениях Комиссии с государствами-членами ничего не сказано, и Комиссия не названа в числе органов управления интеграцией. В ст. 5 Договора о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве от 26.02.1999 сказано, что формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства обеспечивается следующими органами управления интеграцией: Межгосударственным Советом, Советом глав правительств, Интеграционным Комитетом и Межпарламентским Комитетом.

Таким образом, формально-юридически Комиссия, являясь организационным вспомогательным органом Таможенного союза, не принимает решений, касающихся обязательств государств-членов этого союза.

б) Фактический статус КТС и ее решений

Однако фактическое положение КТС и ее решений отличается от формально закрепленного в документах. Комиссия неоднократно принимала решения по существу отношений между государствами-членами Таможенного союза. Это видно, например, из Обзора судебной практики и законодательства, приложенного к Договору о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19.05.2011. В Обзоре приведены некоторые решения судов и органов Таможенного союза, в которых содержатся ссылки на решения КТС.

Можно привести следующие примеры: 1) Решение Суда ЕврАзЭС от 24.06.2013 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, Решения Комиссии Таможенного союза от 9.12.2011 № 904 «О мерах по защите экономических интересов производителей стальных кованых валков для прокатных станов в Таможенном союзе»; 2) Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 04.12.2012 г. № 251 «О внесении изменений в Решение Комиссии Таможенного союза от 9.12.2011 № 875 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности аппаратов, работающих на

газообразном топливе»»; 3) Постановление Суда ЕврАзЭС от 08.04.2013 «О разъяснении Решения Суда Евразийского экономического сообщества от 05.09.2012, которым был признан не соответствующим международным договорам, действующим в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, пункт 1 Решения Комиссии Таможенного союза от 17.08.2010 № 335»; 4) Решение Комиссии Таможенного союза от 18.06.2010 № 319 (ред. от 09.04.2013, с изм. от 26.09.2017) «О техническом регулировании в таможенном союзе» (вместе с Положением о порядке включения органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров) в Единый реестр органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров) Таможенного союза, а также его формирования и ведения, Положением о формировании и ведении Единого реестра выданных сертификатов соответствия и зарегистрированных деклараций о соответствии).

Из приведенных документов видно, что КТС вплоть до ее упразднения в 2012 году принимала решения по существу таможенных отношений между государствами-членами Союза, т.е. была реальным органом управления. Этот статус КТС создавался **волей государств-членов Таможенного союза, но выраженной не в нормах договоров, а в признании** существующего положения вещей. Вполне вероятно, что в намерения авторов документов с самого начала не входило придание Комиссии чисто организационных функций, но это не было четко выражено в документах. В любом случае юридическим основанием полномочий КТС является признание государств-членов Союза.

в) Характеристика нынешней КТС

За время, прошедшее после первого договора о зоне свободной торговли до нынешнего Евразийского экономического союза, органы управления интеграцией и Комиссия в том числе, неоднократно подвергались изменениям. Поэтому нужно не только проследить происходившие изменения, но оценить их с точки зрения теории правопреемства. Эта проблема разработана в теории международного права чрезвычайно слабо, и в русскоязычной литературе на эту тему практически нет работ.

В 1970-х годах Комиссии международного права (вспомогательный орган ООН, созданный специально для кодификации разрозненно существующих, но уже многочисленных к тому времени норм, возникших обычно-правовым путем) было предложено кодифицировать нормы международного права, относящиеся к правопреемству. Комиссия решила ограничиться правопреемством государств, оставив за пределами своего внимания вопросы правопреемства правительств и международных организаций, сославшись при этом на недостаточную развитость права в данной области. Действительно, вплоть до середины XX века не было договоров, касающихся правопреемства международных организаций, скорее всего в силу того, что ин-

ститут международных организаций очень молод (первые универсальные международные организации стали создаваться лишь в последней трети XIX века), и лишь конец XX века и особенно XXI век стали эпохой международных организаций²⁹. Тогда же нередкими стали процессы образования, упразднения, преобразования отдельных органов или целых международных организаций. Хотя и до сих пор право международных организаций не так сильно развито, практика создания, реформирования и упразднения международных организаций обнаружила наличие некоторых закономерностей³⁰.

Поскольку и международные организации, и государства являются субъектами международного права, напрашивается допустимость аналогии в применении института правопреемства, тем более, что институт правопреемства государств уже развит довольно значительно и получил новый импульс в начале 1990-х годов в период распада Советского Союза и в определенной степени — Федеративной Народной Республики Югославии. Общим у двух институтов является то, что этот вопрос возникает при перемене субъекта: исчезновении прежнего субъекта и появлении нового³¹. Однако необходимо принимать во внимание два коренных различия между правопреемствами государств, с одной стороны, и международных организаций, с другой.

Во-первых, перемена субъектов международного права совершается по-разному: государство распадается или исчезает совсем либо по собственной воле, как в случае Советского Союза, либо по воле международного сообщества, как в случае нацистской Германии. Международная организация или ее органы исчезают или преобразуются по воле образовавших ее государств, поскольку у международной организации нет собственной воли, а есть только полномочия, делегированные ей государствами-учредителями.

Во-вторых, в основе решения вопросов правопреемства государств лежит территория. Право нового государства признавать обязательства прежнего субъекта в отношении договора может быть ограничено применимостью этого договора к определенной территории, как это было в период правопреемства государств СНГ в отношении договоров СССР.

В основе правопреемства международной организации лежит переход функций, так что встречается определение: правопреемство международ-

²⁹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М., 2005. С. 27–28.

³⁰ Chiu H. Succession in International Organizations // International and Comparative Law Quarterly. 1965. Vol. 14. P. 83–120.

³¹ См.: Encyclopedia of Public International Law, Max Planck Institute of International and Comparative Public Law, Heidelberg [Электронный ресурс]: // URL: <http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1541> (дата обращения: 09.06.2018)

ной организации — это переход функций одной организации к другой³². Бывает так, что правопреемство от одной организации к другой определяется договором, как это было по Договору об ОЭСР. Данная организация возникла на месте Европейской организации экономического сотрудничества, которая была создана после Второй Мировой войны, чтобы содействовать использованию средств, выделенных Соединенными Штатами Америки на восстановление разрушенной Европы по «плану Маршалла». Когда было решено, что эта организация выполнила возложенные на нее задачи, она была преобразована в Организацию экономического сотрудничества и развития, которая в наше время выступает главным мотором глобализации в мире. При отсутствии договора главными являются практика и намерения государств-членов. При этом изменение названия и изменения в функциях организации могут не означать формирования новой организации в качестве нового субъекта международного права. Можно привести в качестве примера изменения, происходившие с Европейским экономическим сообществом, которое сначала стало Европейским сообществом, а затем Европейским Союзом.

Практика показывает, что иногда государства стремятся только передать какие-либо функции от одной организации к другой, и эти меры приводят, в конце концов, к роспуску организации. Рационализация нередко воспринимается как придание организации большей эффективности, что особенно стало заметно во второй половине XX века. Здесь можно привести пример, когда Западно-Европейский союз (далее — ЗЕС) и Совет Европы договорились о передаче Комитета по социальным вопросам ЗЕС в состав Совета Европы в 1960 году. Его административные функции были переданы по договору при условии, что в договор не будут вноситься изменения. Спустя 40 лет состоялась новая передача, когда ЕС решил образовать свою автономную военную организацию в целях реагирования на международные кризисы. Во время конференции министров в ноябре 2000 года функции ЗЕС в области миротворчества и по вопросам военных кризисных ситуаций было решено передать Евросоюзу.

В случае объединения двух или более организаций возможно упразднение одной из них, если государства-участники отдадут предпочтение другой. Например, в 1946 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Панамериканская организация санитарии подписали соглашение об объединении, в соответствии с которым Бюро (Секретариат) Панамериканской организации должно было продолжать служить региональным офисом, т.е. органом ВОЗ. Эта последняя организация, поглотив функции Панамериканской организации, сохранила свою субъектность и стала действовать как

---

³² *Myers P. Succession between International Organizations. L., 1993. P. 12.*

правопреемник Панамериканской организации. Та же ситуация сложилась с Международным бюро образования, чье присоединение к ЮНЕСКО было согласовано обеими организациями в 1968 году.

В процессе любого вида правопреемства исключительные полномочия совершения всех действий принадлежат государствам. Государства, основные субъекты международного права, считаются единственно правомерными решать вопросы правопреемства сугубо в индивидуальном порядке в соответствии с собственной волей. Международные организации как субъекты, лишенные собственной воли (их так называемая собственная воля — это не их свойство, а производное от воли государств-создателей организации) и могущие лишь выполнять возложенные на них функции, не могут осуществлять правопреемство самостоятельно. Значит, никакого общего или автоматического правопреемства международных организаций нет, и для определения самого факта передачи функций или их объема необходимо проследить изменение позиций государств-членов. В том, что касается изменения функций центрального органа Экономического союза, зоны свободной торговли, Таможенного союза, Евразийского экономического союза, Комиссии Таможенного союза — изменение позиций государств-участников может быть прослежено в двух областях: 1) в положениях договоров, регулирующих деятельность сначала Таможенного союза, а ныне — ЕАЭС; 2) в практике государств по принятию законодательных актов, имплементирующих решения органов ЕАЭС.

Остановимся сначала на том, как изменялась воля государств-членов, выраженная в договорах. Как говорилось выше, государства-члены Таможенного союза признали решения КТС обязательными в ст. 7 Договора о Комиссии Таможенного союза от 6.10.2007³³, что и было подтверждено Протоколом о внесении изменений и дополнений в Договор о Комиссии от 9.12.2010³⁴.

В дальнейшем регулирование статуса и деятельности Комиссии определяются двумя документами: Договором о Евразийской экономической комиссии от 18.11.2011 и Договором ЕАЭС от 29.05.2014. Именно Договор о ЕЭК регулирует вопросы правопреемства между КТС и ЕЭК. Согласно ст. 39, с даты вступления в силу Договора о ЕЭК **Комиссия Таможенного союза упраздняется**, т.е. перестает существовать. Далее следует положение довольно общего характера: полномочия, которыми была наделена КТС, пе-

³³ Договор о Комиссии Таможенного союза от 6.10.2007 // Портал Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.tsouz.ru/aboutkts/pages/37.aspx> (дата обращения: 09.06.2018)

³⁴ Протокол о внесении изменений и дополнений в Договор о Комиссии Таможенного союза (Москва, 09.12.2010) [Электронный ресурс]: // URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=5817 (дата обращения: 09.06.2018)

редаются ЕЭК. Правда, следует пояснение, которое можно воспринять как уточнение: передаются полномочия, которыми КТС была наделена в соответствии с международными договорами, формирующими договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также решениями Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (Высшего органа Таможенного союза). Зачем сделано это уточнение, не совсем понятно. Насколько известно, кроме договоров о Таможенном союзе и о самой Комиссии, других источников полномочий КТС нет. Какой может быть еще источник, неясно.

Согласно ст. 38 Договора о ЕЭК, решения Комиссии Таможенного союза, действующие на 1.01.2012, сохраняют юридическую силу. Уточнений нет, и можно понять, что Комиссия упраздняется, но ее решения, действующие на указанную дату, сохраняются и продолжают действовать. Таким образом, под правопреемство подпадает три объекта: 1) сама Комиссия; 2) полномочия Комиссии; 3) принятые Комиссией решения.

Регулируются они по-разному. Комиссия перестает существовать. Теперь в рамках ЕАЭС создается новый орган, хотя его название напоминает прежний — Евразийская экономическая комиссия. Ст. 5 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18.11.2011 об обязательном характере решений и об их вхождении в договорно-правовую базу относится не к КТС, а к ЕЭК. То же можно сказать и о нормах Приложения № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Положение о Евразийской экономической комиссии). Полномочия КТС продолжают существовать, но передаются новому органу — ЕЭК. Эти полномочия частично изменяются, уточняются и дополняются Договором о ЕАЭС и особенно приложениями к нему, так что ЕЭК теперь регулируется довольно подробно.

Принятые КТС решения сохраняют силу, но в сильно измененном виде, поскольку они принимались для имплементации их государствами и другими органами Таможенного союза. Теперь **они сохраняются в виде положений национального законодательства государств-членов, постановлений и решений органов ТС и ЕАЭС**. Однако общая нормативно-правовая база нынешнего ЕАЭС не совпадает с нормативно-правовой базой, которая существовала в Таможенном союзе, и в случае противоречия должна быть изменена, поскольку изменены основополагающие нормы ныне существующего правового порядка. Точно так же обязательства государств-членов изменены принятием Договора о ЕАЭС и решениями новых органов ЕАЭС.

Право Союза и присоединение новых членов к ЕАЭС

В этом случае вопрос о договорно-правовой базе ЕАЭС должен решаться так же, как в случае присоединения нового государства-участника к любо-

му международному договору. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров сам договор при этом не подвергается изменениям, и новый участник принимает на себя обязательства, которые зафиксированы в договоре или дополнены и уточнены в процессе применения данного договора.

Некоторые вопросы могут возникнуть в связи с тем, что первоначальные участники Союза вели и ведут работу по унификации своих национальных правовых порядков, а новые государства присоединяются к Союзу в своем первоначальном виде. Данная проблема постоянно является предметом обсуждения и поисков регулирования в ЕС, к которому присоединяются новые страны. При этом отмечается две трудности: 1) та, о которой упоминалось выше — необходимость достичь того же уровня унификации правового порядка, которая достигнута «старыми» членами; 2) преобразование типа экономики принимаемого государства, поскольку к членам ЕС, где рыночный тип экономики существует уже столетия, присоединяются страны, где совсем недавно действовала плановая экономика.

В ЕАЭС в качестве новых членов также входят довольно разнообразные государства. Хотя после распада СССР все бывшие союзные республики стали входить в мировой рынок, степень отказа от плановой экономики и присутствия государства в экономике пока неодинаковы. Учитывая опыт ЕС и других интеграционных объединений, новые страны присоединяются к ЕАЭС на основе договора, что позволяет заранее установить методы внесения изменений в экономику новых членов. Пока к ЕАЭС присоединились два государства — Армения и Киргизия — и с одним из третьих государств (Вьетнамом) заключено Соглашение о создании зоны свободной торговли.

Процессы присоединения Армении и Киргизии были довольно длительными и в основных чертах они схожи. Начало обоим процессам было положено политическими заявлениями глав государств³⁵. Затем решениями Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств были созданы рабочие группы, которыми были разработаны «дорожные карты», т.е. планы и программы вхождения каждой страны в ЕАЭС. В каждой республике должны были быть проведены некоторые специальные мероприятия. Так, для Армении главной задачей была гармонизация национального законодательства с договорно-правовой базой Таможенного союза и Единого экономического пространства. Перед Киргизией был поставлен целый набор вопросов, связанных с необходимостью модернизации объектов таможенной инфраструктуры.

³⁵ См., напр.: Совместное заявление президентов Республики Армения и Российской Федерации С.А. Саргсяна и В.В. Путина по итогам рабочего визита Президента Республики Армения в Москву 3.09.2013 // Официальный сайт ЕАЭК [Электронный ресурс]: // URL: http://www.eurasian-commission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr (дата обращения 30.06.2018)

После этого были подписаны договоры о присоединении: 10.10.2014 Договор с Арменией³⁶, 23.12.2014 — с Киргизией³⁷. К договорам в качестве приложений приданы протоколы о порядке вступления договора в силу и о международных договорах, уже принятых в ЕАЭС, к которым обязаны присоединиться вновь вступающие. Этот перечень документов показывает, что новые участники ЕАЭС присоединяются к Договору о ЕАЭС и принимают на себя такие же обязательства, как и те, которые сформировались для других государств-членов.

Эти положения вполне отражены в договорах о присоединении. В процессе дальнейшего вхождения новых участников в ЕАЭС их обязательства могут быть уточнены в результате переговоров или решений высших органов ЕАЭС.

Заключение

Множество преобразований, которым подверглись региональные интеграционные объединения, создаваемые на постсоветском пространстве, показывают трудности на этом пути. В процессе анализа стало ясно, что, несмотря на распространённые разговоры о «некоем особенном пути интеграции в нашем регионе», основные тенденции остаются здесь такими же, как и в других районах мира, даже в том, что касается такого сложного и неисследованного вопроса, как правопреемство международных организаций и их органов.

Бывшие союзные республики СССР сделали несколько попыток формирования интеграционных объединений с разными названиями и с различающимися задачами. Они следовали друг за другом, но каждый раз это были новые субъекты международного права. В наиболее стабильном положении оказался центральный орган этих субъектов, а именно Комиссия Таможенного союза, которая в конце концов также была упразднена, но ее функции сохранились и были переданы ее правопреемнику — Евразийской экономической комиссии.

---

³⁶ Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Российской Федерацией и Республикой Армения о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/01/2015/54a6416d9a794732f47760a2> (дата обращения: 30.06.2018)

³⁷ Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о присоединении Республики Кыргызстан к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]: // URL: www.eaeunion.org (дата обращения: 30.06.2018)

Библиография

- Алехина М.А., Прасолов В.И. Таможенный кодекс ЕАЭС как правовая основа развития торговых отношений между странами-участницами ЕАЭС // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 1. С. 31–33.
- Ануфриева Л.П. ЕАЭС и «Право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 48–62.
- Волова Л.И. Перспективы деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте развития евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2. С. 143–147.
- Джабиев А.П. Таможенный союз Евразийского экономического союза: тенденции и перспективы развития // Экономика и предпринимательство. 2015. № 5. С. 158–161.
- Зубкова С.В. К вопросу о правосубъектности международных организаций / Наука и образование: проблемы и тенденции развития. Материалы международной конференции. Уфа: Исследовательский центр информационно-правовых технологий», 2013. С. 191–194.
- Ковтуненко Л.В., Кандрина Н.А. Проблемы защиты прав участников ЕАЭС в Суде ЕАЭС / Евразийское правовое пространство: взгляд молодых ученых. Сборник статей Евразийского молодежного юридического форума. Барнаул: Колмогоров, 2016. С. 35–39.
- Кожанков А.Ю. О влиянии норм международного права на таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 6–12.
- Костин А.А., Костина О.В. Перспективы развития таможенного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза / Академическая наука: проблемы и достижения. Материалы V Международной конференции. Белгород: Space, 2014. С. 181–187.
- Макеева С.К. Приоритетные направления развития сотрудничества со странами ЕАЭС // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2017. Т. 23. С. 57–63.
- Морозов В.В. Противоречия интеграции ЕАЭС / Институциональные и инфраструктурные аспекты развития различных экономических систем. Сборник статей международной конференции. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 31–35.
- Попова А.В. Принципы международного права, подлежащие применению при правопреемстве государств в отношении международных договоров / Актуальные проблемы современного международного права. Материалы конференции. М.: РУДН, 2012. С. 300–310.
- Рыбакова С.В. Об особенностях правосубъектности в условиях современных экономических отношений (на примере финансовой правосубъектности кредитных организаций) / Проблемы формирования нового российского права и новой российской государственности. Материалы конференции. Тамбов: Университетское, 2015. С. 228–236.
- Семенова Н.С., Воронина Т.М. Распад и правопреемство международных организаций / Право международных организаций. М.: Издательство РУДН, 2013. С. 175–184.
- Чудикова Т.П., Губаревич А.В. Пути совершенствования законодательства стран-участниц ЕАЭС в контексте издания Таможенного кодекса ЕАЭС / X Машеровские

чтения. Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебск: Университетское, 2016. С. 344–345.

Юрченко Д.П. Соотношение права ЕАЭС и права государств-членов ЕАЭС // Теория государства и права. 2017. № 2. С. 61–67.

Eurasian Economic Union and Issues of International Organizations Succession

Galina Shinkaretskaya

Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences. Address: 10 Znamenka Str., Moscow 119019, Russian Federation. E-mail: gshink@yandex.ru

Abstract

The former Soviet Union Republics striving to integrate have created several integration organizations during the past 30 years — the Economic Union, the Free Trade Zone, the Custom Union, the Eurasian Economic Community and the Eurasian Economic Union. The Councils of the Heads of State and the Councils of the Heads of Government have always been among the organs of the organizations with as a rule a commission provided specially to act not on behalf of the member states, but on behalf of the organization itself and empowered to take decisions of compulsory character for the member states. The analysis shows that the succession in the integration organizations is similar to those in other international organizations. Though there is no single normative act providing for the succession of international organizations several regularities are of relevance. The succession in international organizations is performed not by the organizations themselves, but by the member states; the basis for the succession is not territory as during the state succession, but the transfer of functions from the predecessor organization to the successor. Integration organizations created in the post-Soviet territory possess different identity, they do not continue one another, they are separate subjects of international law and they implement their own succession through member states. The Commission of the Customs Union is of special interest. Its personality ceased to exist in 2014 due to the creation of the Eurasian economic commission of the EAEU. The succession of the predecessor to the successor commissions is implemented concerning the three parts: the Commission itself, its functions and its decisions. The Commission is abolished, its functions are inherited by the Eurasian Economic Commission and the decisions have been implemented in the national legislation of the member states, and in the norms and rules of the acts adopted by the Customs Union and the Eurasian Economic Union. The decisions of the Commission continue to act as far as they do not contradict the EAEU Treaty. The general legal basis of the EAEU is not the same as existed within the Customs Union and if contradictions arise, it must be changed since the basic norms of the new legal order have been altered.

Keywords

integration; customs union; EAEC; EAEU; Commission of the Customs union; international organizations' succession; international legal personality, supernationality, organs of an international organization.

Citation: Shinkaretskaya G.G. (2018) Euroasian Economic Union and Issues of Succession among International Organizations. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 172–194 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2018.3.172.194

References

Alekhina M.A., Prasolov V.I. [2016] Tamozhenny kodeks EAES kak pravovaya osnova razvitiya torgovykh otnosheniy mezhdu stranami-uchastnitsami EAES [Customs Code of EAEU as a Legal Basis for Trade Relations among EAEU Member States]. *Novaya nauka: opyt, traditsii, innovatsii*, no 1, pp. 31–33.

Anufrieva L.P. (2016) EAES i «Pravo EAES» v mezhdunarodno-pravovom izmerenii [EAEU and “EEU Law” in International Law]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no 4, pp. 48–62.

Chudikova T.P., Gubarevich A.V. (2016) Puti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva stran-uchastnits EAES v kontekste izdaniya Tamozhennogo kodeksa EAES [Improving Legislations of the EAEU Member States] *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Materials of International Student and Young Scholars Conference]. Vitebsk: University Press, pp. 344–345 (in Russian)

Dzhabiev A.P. (2015) Tamozhenny soyuz Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: tendentsii i perspektivy razvitiya [The Customs Union of EAEU: Trends and Prospects]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no 5, pp. 158–161.

Kostin A.A., Kostina O.V. (2014) Perspektivy razvitiya tamozhennogo sotrudnichestva v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Development of Customs Co-operation within the EAEU]. *Akademicheskaya nauka – problemy i dostizheniya. Materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii* [Academic Science: Issues and Achievements. 5th International Academic Conference Proceedings], Belgorod: University Press, pp. 181–187 (in Russian)

Kovtunen L.V., Kandrina N.A. (2016) Problemy zashchity prav uchastnikov EAES v Sude EAES [The Issues of Protecting Member States of EAEU in EAEU Court] *Evraziyskoe pravovoe prostranstvo: vzglyad molodykh uchenykh. Sbornik statey Evraziyskogo molo-dezhnogo yuridicheskogo foruma* [Eurasian Legal Space: A View of Young Researchers. Collection of Papers of Eurasian Youth Legal Forum]. Barnaul: Kolmogorov, pp. 35–39.

Kozhankov A.Yu. (2018) O vliyani norm mezhdunarodnogo prava na tamozhennoe regulirovanie v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [On the Influence of the Norms of International Law in Eurasian Economic Union]. *Yuridicheskaya nauka*, no 1, pp. 6–12.

Makeeva S.K. (2017) Prioritetnye napravleniya razvitiya sotrudnichestva so stranami EAES [Priorities in the Co-operation within the EAEU]. *Vestnik Akademii gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente Kyrgyzskoy Respubliki*, vol. 23, pp. 57–63.

Morozov V.V. (2017) Protivorechiya integratsii EAES [Contradictions in EAEU Integration] *Institutsional'nye i infrastrukturnye aspekty razvitiya razlichnykh ekonomicheskikh sistem. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Institutional and Infrastructural Aspects of Various Economic Systems. Collection of Papers of International Conference]. Ufa: Aeterna Press, pp. 31–35 (in Russian)

Popova A.V. (2012) Printsipy mezhdunarodnogo prava, podlezhashchie primeneniyu pri pravopreemstve gosudarstv v otnoshenii mezhdunarodnykh dogovorov [Principles of International Law and Succession of States vs. International Treaties]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy konferentsii* [Issues of Modern International Law]. Moscow: RUDN Press, pp. 300–310 (in Russian)

Rybakova S.V. (2015) Ob osobennostyakh pravosub"ektnosti v usloviyakh sovremennykh ekonomicheskikh otnosheniy (na primere finansovoy pravosub"ektnosti kreditnykh organizatsiy) [On Legal Capacity in Current Economic Relations]. *Problemy formirovaniya novogo rossiyskogo prava i novoy rossiyskoy gosudarstvennosti: na puti dvizheniya k «chistomu zolotu prava»*. *Materialy konferentsii* [Problems of Shaping New Russian Law and New Russian Statehood. Conference Proceedings]. Tambov: University, pp. 228–236.

Semenova N.S., Voronina T.M. (2013) Raspad i pravopreemstvo mezhdunarodnykh organizatsiy [Collapse and Legal Succession of International Organizations]. *Pravo mezhdunarodnykh organizatsiy* [Law of International Organisations]. Moscow: RUDN Press, pp. 175–184 (in Russian)

Volova L.I. (2017) Perspektivy deyatel'nosti Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (EAES) v kontekste razvitiya evraziyskoy integratsii [Perspectives of the Court of EEU in Context of Eurasian Integration]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no 2, pp. 143–147.

Yurchenko D.P. (2017) Sootnoshenie prava EAES i prava gosudarstv-chlenov EAES [Balance of EAEU law and EAEU Member State Law]. *Teoriya gosudarstva i prava*, no 2, pp. 61–67 (in Russian)

Zubkova S.V. (2013) K voprosu o pravosub"ektnosti mezhdunarodnykh organizatsiy [On the Legal Capacity of International Organizations]. *Nauka i obrazovanie: problemy i tendentsii razvitiya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Science and Education: Issues and Trends of Development. Materials of the International Conference]. Ufa: Analytical Center of Informational Technology, pp. 191–194 (in Russian)